

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-188-194

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОСМОС Е.А. БАРАТЫНСКОГО: СТИХОТВОРЕНИЕ «ОСЕНЬ» В СВЕТЕ КАРАМЗИНСКОЙ ТРАДИЦИИ»*

Алпатова Т.А., Поташова К.А.

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация: В статье рассматривается трансформация мотива времён года в стихотворении Е.А. Баратынского «Осень». Анализ проводится в сопоставлении с поэтической традицией рубежа XVIII – начала XIX века, традицией Н.М. Карамзина, а также английского поэта Д. Томсона; перевод Карамзиным поэмы Томсона «Времена года» также оценивается как один из источников осмысления мотива осени в поэзии сентиментализма и предромантизма. Выявлены элементы традиций рационалистической аллегории в «Осени» Баратынского, сделаны выводы о взаимодействии в стихотворении риторических и индивидуально-творческих принципов художественного изображения.

Ключевые слова: Е.А. Баратынский, Н.М. Карамзин, осенние мотивы, лирика, художественная философия.

POETIC SPACE OF E. BARATYNSKY: THE POEM "AUTUMN" IN THE LIGHT OF KARAMZIN'S TRADITION

T. Alpatova, K. Potashova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. This article is devoted to the poem of E. Baratynsky "Autumn" and the transformation of the motive "the seasons". The analysis is performed in comparison with the poetic tradition of the turn of 18th – early 19th centuries, with the tradition of N. Karamzin and J. Thomson. The translation of his poem "The Seasons" by Karamzin is also rated as one of the autumn motive reflection sources in sentimental and Pre-Romanticism poetry. The paper identified elements of the rationalist tradition of allegory in Baratynsky's "Autumn", and led to conclusions about the interaction of rhetorical and individual creative principles of artistic representation in the poem.

Keywords: E. Baratynsky, N. Karamzin, autumn theme, lyrics, art philosophy.

Реконструкция поэтического космоса Е.А. Баратынского – одновременно пугающая по своим масштабам и необыкновенно привлекательная задача, – настолько очевидна у него эта космичность художественного мышления, органично сочетающего в себе моменты видения и осмысления, «гармоническую точность» и «мысль», столь много стихотворений поэта претендует на то, чтобы

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00494 «Н.М.Карамзин: энциклопедический словарь».

© Т.А. Алпатова, К.А. Поташова, 2016.

быть воплощением этого поэтического космоса, то есть целостной картины мироздания, которую взгляд охватывает снизу доверху, от мельчайших жизненных подробностей до вершин Абсолюта. Но среди этих стихотворений особое место, безусловно, занимает «Осень» – и как наиболее важный факт творческой биографии самого поэта, и как одно из значимых звеньев в цепи так называемых «осенних текстов» русской, да и мировой поэзии. Не случайно ни один из исследователей, обращавшихся к творчеству Баратынского, не проходил мимо «Осени», и всякий раз её осмысление проходит под знаком «итога», «собрания» целого, некоей «суммы» – будь то идея В.Э. Вацууро об «Осени» как подведении итогов пушкинской литературной эпохи [5, с. 380-392] или мысль Ю.М. Лотмана о возможности прочтения её как квинтэссенции сборника «Сумерки», а вместе и всего позднего творчества Баратынского, с его переходом от индивидуального ко всеобщему, от «дневниковости» к размышлениям о судьбе мыслящего человека вообще [9, с. 394-406]. «Сумму элегий», отражение наиболее значимых тенденций в развитии элегического жанра в неканоническую эпоху видит в «Осени» Баратынского В. Козлов; о «раскрытом сознании современного человека» в этом стихотворении размышляет С.Г. Бочаров [4, с. 120].

Однако насколько справедливо можно говорить о целостном видении космоса в стихотворении, именованном «одним из самых мрачных и трагических в нашей поэзии» [8, с. 35] (А. Кушнер), к тому же в полной мере отразившем философию поэта как нечто принципиально незавершённое

и незамкнутое, как «вихреобразование» дум и чувств, как «открытое», агностическое [4, с. 104] (С.Г. Бочаров)? По-видимому, анализ «Осени» потому и обретает особую важность, что именно здесь ярче всего оказалось представлено неожиданное и непредсказуемое – поэтический «космос» раскрылся именно как нечто бесконечное, не укладывающееся не только в рамки какого бы то ни было «готового» жанра, но, казалось бы, в рамки человеческой, земной мысли вообще.

«Осенняя» тема в западноевропейской и русской поэзии XVIII – первой половины XIX в. неизменно соотносилась с более широкой темой «времени года», основной вектор в художественно-философском осмыслении которой был задан поэмой Дж. Томсона «The Seasons», многочисленные трактовки представлены в разнообразных произведениях, преимущественно элегической жанровой модальности. В художественно-философском аспекте двойственность осмысления времени года не просто как явления природы, но как формы бытия, наделённой высшим ценностным значением, определялась, с одной стороны, восприятием их «таинственного круга» как воплощения высшей божественной гармонии (что в полной мере отразилось в «Гимне сезонам» Томсона – см. переводы на русский язык Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского), с другой же, – взглядом на сезоны, сезонную смену состояний природы как свидетельство «повреждения» бытия, его отпадения от предвечного единства – длящегося настоящего – следовательно, как начало смерти. Воспринимавшаяся, в свою очередь, как символ сезонного круговращения (одновременно един-

ства и противоположности), осень как художественно философский символ получала сходный коннотативный фон. Это воплощение полноты бытия, плодоношения, высшая точка жизни и в то же время начало умирания с неизбежным религиозно-философским вопросом, последует ли за ним обетованное воскресение, а если последует, то насколько его «природный» аспект может быть аллегорически соотнесён с жизнью человека.

Среди всех времён года именно осень оказалась наиболее привлекательной для поэзии рубежа XVIII–XIX вв., а значит, для становления индивидуально-творческого художественного сознания [1, с. 3–38], не случайно; именно эта мифологема совмещала в себе наиболее органичные для переходной эпохи начала. В осени как устойчивом художественном образе, связанном с традицией классицизма, не только аллегория двойственности бытия, в котором пора плодоношения и умирания идут рядом, но и особое эмоциональное состояние человека, осознавшего эту двойственность осени и переживающего её родственность собственной душе.

Для русской поэзии конца XVIII века своеобразное «открытие» осени оказалось связано не только с томсоновской традицией; направления в её восприятии отечественной литературой задавались творчеством Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина, в стихах которого «осенний» контекст начинает формироваться наиболее последовательно. «Осень» в поэзии Карамзина раскрывается как напоминание о том, что увядание природы – символ того, что ждёт человека – «странница жизни», хотя и без надежды на воз-

вращение весны: «Странник, стоящий на холме, // Взором унылым // Смотрит на бледную осень, // Томно вздыхая...» [6, с. 30]. По мысли Карамзина, именно осень рождает в человеке меланхолию – то самое состояние души, которое способно с наибольшей силой раскрыть внутренний потенциал чувствительной души – её способность «задумавшись, молчать // И на прошедшее взор нежный обращать» [6, с. 178]. При этом аллегорический потенциал образа, в котором прямо соотносятся состояния: «увядание природы» – «увядание человека», и столь же прямо противопоставляется временное и обратимое начало в осени природной и неотвратимое «осеннее» угасание человека. Именно поэтому осень и соответствует меланхолическому состоянию души:

Не шумныя весны любезная веселость,

Не лета пышного роскошный блеск и зрелость

*Для грусти твоя приятнее всего,
Но осень бледная, когда, изнемогая,
И томною рукой венки своей обрывая,
Она кончины ждёт... [6, с. 178]*

В подобной логике развития образа рационалистически-обобщённое и субъективно-эмоциональное сближаются, что и сделало в итоге «осеннюю» образность одним из основных направлений в осуществлявшемся на рубеже веков процессе смены типов художественного сознания.

Своеобразной квинтэссенцией подобного видения становится пушкинское стихотворение «Осень», по справедливому суждению В.С. Непомнящего, представляющее «пушкинский космос» и задающее как целостный наиболее завершённый «круг»

космогонических представлений об осени – соединении начал жизни и смерти, так и столь же всеобъемлющее видение поэзии в её творческих возможностях «достраивать», «довоплощать» мир, и в конечном итоге гармонически уравновешивать бытие природы и человеческой души [10, с. 435-494].

Поэтический космос «Осени» Баратынского, по-видимому, складывается иначе – на первый взгляд, следуя литературной традиции развёрнутого аллегорического уподобления «человек – природа», поэт приходит к совершенно неожиданным итогам, что и позволило исследователям не раз говорить о «разуверении» как основной поэтической интонации «Осени».

Основы этой интонации (причём не столько в её эмоциональном «векторе», сколько именно в аспекте «риторичности», обращённости к некоему условному «собеседнику») заданы как литературной традицией (Державинской – Пушкинской), так и многочисленными маркерами этой «риторичности», определяющими лирическую композицию стихотворения, поддержанную к тому же строфическим членением: «И вот сентябрь!..», «Прощай, прощай...», «Иди, зима...», «А ты, когда...», «Ты так же ли...», «Зови ж теперь...», «Какое же потом в груди твоей...» и мн. др. Однако указанная риторичность парадоксально не приводит здесь к ощущению рационалистической сконструированности текста. Её преодоление заложено в самой образной системе, последовательно преодолевающей логико-рационалистическую последовательность «чистой» мысли и разрушающей возникшие читательские ожидания.

Таким образом, поэтический космос «Осени» Баратынского выстраивается на контрапунктной смене ожидаемого – неожиданного: с одной стороны, строгая логическая последовательность изображения: состояние природы – аллегория человеческого бытия – постижение его метафизического смысла – вновь состояние природы; с другой же стороны, в развитии поэтического образа Баратынского возникает неожиданная градация этого состояния.

Баратынский достигает этого, в первую очередь разделяя «человеческий» план своей элегии на два аспекта, последовательно персонифицированные в образах «оратая», «досужего селянина» – крестьянина, связь которого с природой несомненна, и «оратая жизненного поля», того самого элегического «Я», с которым и связан в стихотворении мотив философских итогов жизни.

Однако это внутреннее разделение проникает и в образный ряд стихотворения – собственно его поэтический космос. «Осенняя» образность поэта также оказывается двойственной: с одной стороны, перед читателем проходит осень как «вечер года», время жатвы и наступающего покоя, с другой – картины природы, более соотнесённые с символично-аллегорическим планом: прощания навек, печального итога, крушения жизни. На этом и основан контраст начальной и финальной строф стихотворения: «И вот сентябрь! Замедля свой восход, // Сияньем хладным солнце блещет, // И луч его в зеркале зыбких вод // Неверным золотом трепещет...» [3, с. 70] –

*Зима идёт, и тощая земля
В широких лысынах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с ни-
щетою*

*Все образы годины бывшей
Сравняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей... [3, с.
75]*

Как и в сложившейся поэтической традиции, в стихотворении Баратынского «Осень» взаимодействует рациональное аллегорическое и индивидуально-психологическое начало. Судьба осенних мотивов в лирике Баратынского, прослеженная на фоне их трансформации в русской лирике конца XVIII – начала XIX в. – один из примеров становления индивидуаль-

но-творческой художественной системы. Осенние мотивы – и шире, мотив времён года в целом, – один из наиболее устойчивых не только в развитии русской, но и мировой литературы и культуры. Каждый опыт его творческого осмысления позволяет авторам, тронувшим эту «силовую линию», приобщиться к древнейшей традиции и воплотить субъективное видение и природы, и собственной судьбы. Анализ подобных примеров позволяет проследить, как индивидуальный лиризм взаимодействует с традицией, что в итоге становится реализацией одной из центральных задач исторической поэтики в понимании А.Н. Веселовского – выявить роль и границы предания в процессе личного творчества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания, М.: Наследие, 1994. С. 3-38.
2. Альми И.Л. Сборник Е.А. Баратынского «Сумерки» как лирическое единство // Альми А.И. О поэзии и прозе. СПб.: Скифия, 2002. 527 с.
3. Баратынский Е.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. Ч. 1: Сумерки. Стихотворения 1835–1841 годов. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.
4. Бочаров С.Г. «Обречён борьбе верховной...» (Лирический мир Баратынского) // Бочаров С.Г. О художественный мирах. М.: Советская Россия, 1985. С. 69-123.
5. Вацуру В.Э. Е.А. Баратынский // История русской литературы: в 4-х т. Т. 2. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. С. 380-392.
6. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 14: Стихотворения и стихотворные переводы. Проза 1780 – начала 1790-х годов. М.: Терра – Книжный клуб, 2005. 432 с.
7. Козлов В.И. «Сумма элегий»: «Осень» Е.А.Баратынского // Вопросы литературы. 2014. № 4. С. 253-272.
8. Кушнер А.С. Аполлон в траве. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. 632 с.
9. Лотман Ю.М. Две «Осени» // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 394-406.
10. Непомнящий В.С. Космос Пушкина // Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х годов. М.: АО «Московские учебники», 2001. Т. 1. С. 435-494.

REFERENCES

1. Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh [Poetics categories in the changing literary epochs] // Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya [Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness]. Averintsev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L., Grintser P.A., Mikhailov A.V. M., Nasledie, 1994. pp. 3–38.
2. Al'mi I.L. Sbornik E.A.Baratynskogo «Sumerki» kak liricheskoe edinstvo [E. Baratynsky collection "Twilight" as a lyrical unity] // Al'mi A.I. O poezii i proze [On poetry and prose]. M., Skifiya, 2002. 527 p.
3. Baratynsky E.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem. T. 3. CH. 1: Sumerki. Stikhotvoreniya 1835–1841 godov [Complete works and letters. Vol. 3. Part 1: Twilight. Poems of 1835–1841 years]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2012. 608 p.
4. Bocharov S.G. «Obrechen bor'be verkhovnoi...» (Liricheskii mir Baratynskogo) ["Doomed to struggle of the Supreme..."] (Lyrical world of Baratynsky) // Bocharov S.G. O khudozhestvennykh mirakh [On Art worlds]. M., Sovetskaya Rossiya, 1985. pp. 69–123.
5. Vatsuro V.E. E.A.Baratynskii [E. Baratynsky] // Istoriya russkoi literatury: v 4-kh t. T. 2. [History of Russian literature: in 4 vols. Vol. 2.]. L., Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1981. pp. 380–392.
6. Karamzin N.M. Polnoe sobranie sochinenii: v 18 t. T. 14: Stikhotvoreniya i stikhotvornye perevody. Proza 1780 – nachala 1790-kh godov. [Complete works: in 18 vols. Vol. 14: verses and verse translations. Prose of 1780 – early 1790s.]. M.: Terra – Book club, 2005. 432 p.
7. Kozlov V.I. «Summa elegii»: «Osen'» E.A.Baratynskogo ["The amount of elegy": "Autumn" by E. Baratynsky] // Voprosy literatury [Questions of literature]. 2014. no. 4. pp. 253–272.
8. Kushner A.S. Apollon v trave [Apollo in the grass]. M., Progress-Pleyada, 2005. 632 p.
9. Lotman YU.M. Dve «Oseni» [Two "Autumns"] // YU.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola [Y. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school]. M., Gnozis, 1994. pp. 394–406.
10. Nepomnyashchii V.S. Kosmos Pushkina [Pushkin's space] // Nepomnyashchii V.S. Pushkin. Izbrannye raboty 1960-kh – 1990-kh godov [Pushkin. Selected works 1960-1990s]. M., AO «Moskovskie uchebniki», 2001. Vol. 1. pp. 435–494.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

Поташова Ксения Алексеевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana Alpatova – doctor of Philological Sciences, associate professor, professor at the Department of the Russian Classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

Kseniya Potashova – candidate of Philological Sciences, assistant at the Department of the Russian Classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА:

Алпатова Т.А., Поташова К.А. Поэтический космос Е.А.Баратынского: стихотворение «Осень» в свете карамзинской традиции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. 2016. № 5. С. 188-194.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-188-194

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T.Alpatova, K.Potashova. Poetic space of E. Baratynsky: the poem "Autumn" in the light of Karamzin's tradition // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 188-194.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-188-194